РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

В одно февральское утро 1930 года мы услышали пушечные выстрелы. А вскоре в воздухе загремели залпы всех видов огнестрельного оружия. Звуки эти доносились с окружающих полей.

Примерно в полдень наше село заняли регулярные военные части. Первым проскакал отряд кавалерии; потом стало слышно, как на сельской площади духовой оркестр заиграл марш, и в село вступили войска.

Когда роты стали входить маршем одна за другой, собаки завыли, а людей в селе охватила тревога. Скоро нам стало ясно, что мы должны принимать этих незваных гостей. Не спрашивая разрешения, вооружённые до зубов красноармейцы стали заходить в наши хаты.

Они были вооружены также агитационными материалами и партийными и правительственными инструкциями о том, как проводить кампанию коллективизации. Едва разместившись, они принялись агитировать нас, хотя ничего нового мы от них не услышали, ведь инструкции были те же, что и у гражданских пропагандистов. Главное состояло разве что в том, что военные вели себя более напористо.

На следующий день, будто для усиления пропаганды, они продолжили стрельбу. Но на этот раз действовали несколько иначе.

В поле наставили пушки дулами на наше село. Все в селе ещё спали, когда послышались раскатистые пушечные выстрелы. Пушечные снаряды, свистя, пролетали над селом и взрывались аж на той стороне, в речке. Затем начали стрелять и шуметь в самом селе, а по улицам снова стала скакать кавалерия.

Остерегаясь выходить из хат, мы бессильно присматривались к этому зрелищу.

Вечером оружие сменили агитационные листовки, и крестьяне должны были читать всё это и слушать. И так было каждый день: днём стрельба у нас над головами, а вечером — агитационные чтения.

Эти военные игрища длились примерно с неделю. А потом армия в сопровождении духовой музыки и пушечных выстрелов отправилась в соседнее село.

Но едва стихла стрельба, как мы оказались уже под прицелом другой бомбёжки, на этот раз так называемой пропагандистской бригады. Сомкнутыми колоннами, будто солдаты, в село вступили несколько сотен человек из соседних городов. Эта людская толпа состояла из обыкновенных промышленных рабочих, студентов, служащих и прочих, которых забрали с работы, проинструктировали по их заданию и включили в пропагандистскую бригаду.

Если приход войск имел целью показать силу власти, то у этой бригады цель была сугубо политическая. Ей надлежало показать идейное единство села и города. Это было одно из мероприятий советского режима, направленное на то, чтобы стереть различия между городским и сельским населением. Но главная их задача состояла в том, чтобы показать крестьянам, что политика коллективизации и насильственного сбора зерна поддерживается всем населением индустриальных районов. Таким образом крестьян хотели убедить, что их сопротивление коллективизации будет сломлено единодушной волей всей страны.

Пропагандисты, как и перед тем красноармейцы, расквартировались по хатам крестьян, не спрашивая их согласия.

Кое-что из того, что делала эта пропагандистская бригада, напоминало ежегодную ярмарку, базар, а то и цирк. Бригада развернула свою деятельность сразу же, как только вступила в наше село — в субботу в полдень. Её отличал, прежде всего, ужасный непрерывный гам.

Вечером стали показывать агитационные фильмы в здании школы, а также на улице. Наскоро слепили какое-то возвышение, и там закружилась группа танцоров, а рядом запустили карусель, которую привезла с собой бригада.

Но несмотря на все эти приманки крестьяне не слишком рвались навстречу бригадникам. Большинство людей сидели дома. Конечно, дети и молодые парни и девчата, которые были членами комсомола и комбеда, вышли на площадь, но не они были теми кадрами, на которые рассчитывали райпартком и райисполком, их интересовали, прежде всего, взрослые крестьяне — те, кого они должны были коллективизировать. Активисты всё же, хоть и были разочарованы, не ослабляли своих усилий. Ведь как бы не реагировали крестьяне, они должны были и дальше гнуть свое. Потом через пару часов после появления на площади пропагандисты уже начали стучать в двери наших хат. Хотя некоторые даже не считали нужным постучать, а просто заходили, без спроса. Вооружённые всякими пропагандистскими материалами, они вваливались в наши хаты и объясняли нам, что единоличные хозяйства — это зло и что дорога в рай ведёт через коллективизацию хозяйств. Крестьяне слушали эту новую агитационную атаку, но затасканные цитаты, призывы и объяснения не могли их убедить. В общем пока что ничем не удавалось пронять крестьян.

Пропагандисты также получили приказ созвать крестьян на площадь утром в воскресенье. На эту сходку должен был прийти хотя бы один человек от каждой семьи. Не имея возможности ослушаться этого приказа, многие крестьяне покорно собрались на площади. Я тоже пошёл туда — скорее из любопытства, чем по какой-то другой причине.

Когда я пришёл, там уже стояло много людей. Крестьяне — мужчины, женщины и дети — не скрывали своей тревоги. Они были возбуждены, утомлены и понуры. Говорливые горожане и пропагандисты пытались смешаться с крестьянами. Прикидываясь приветливыми и улыбаясь, они подходили к нам и даже пробовали шутить. Но мы им не отвечали, и наша отчужденность лишь усиливала их враждебность.

Атмосфера на площади становилась всё более напряженной. Внезапно мы услышали тяжёлый гул какой-то машины. И вдруг гул затих и сменился равномерным позвякиванием, а через минуту мы увидели и источник этого звука.

— Трактор! — воскликнул кто-то. — Гляди-ка. Трактор едет!

Каждый оглянулся в ту сторону, где был магазин, и там мы увидели его впервые. Он медленно двигался из-за сельского ма-

газина в нашу сторону. Трактор – это было нечто неслыханное в нашем селе, хотя мы узнали его по рисункам, виденным ранее. Своим видом трактор поражал, и активисты знали это.

Машина двигалась. Впереди на ней трепетал большой красный флаг. Водитель трактора, держа двумя руками руль, смотрел прямо перед собой. В один миг он стал героем для парней и девчат, которые прикипели к нему взглядами.

Когда трактор доехал до явно предназначенного ему места, он остановился и заглох. И тут невесть отку́да появилось сельское и районное начальство, встало вокруг него, а один из райкома партии – мы его сразу прозвали "комиссаром" – залез на трактор. Среди крестьян повисла тишина, когда он начал говорить.

То, что этот "комиссар" сказал, было снова лишь повторением уже давно известного. Он заявил, что правительства капиталистических стран не заботятся о бедных крестьянах, что крестьян во всём мире в капиталистических странах жестоко эксплуатируют, что они в тех странах пользуются примитивными орудиями труда. И что только в Советском Союзе заботятся о крестьянах: здесь они счастливы, здесь они ввели социалистический метод производства (он сказал так, будто это было уже решённым делом) и здесь им поставляют лучшие сельскохозяйственные машины.

– Посмотрите-ка сюда, – сказал он, показывая обеими руками на трактор. – Где ещё, кроме Советского Союза, такие бедные крестьяне, как вы, имеют собственные трактора? Нигде! Только вы имеете такую производительную технику!

Я стоял близко от трактора и, когда надоело слушать речь, начал осматривать его, насколько это было возможно с моего места. На выхлопной трубе трактора я увидел марку машины – "International", написанную латинскими буквами.